

Урок 5

Владимир Борисович Свинцов «Первый снег»

Свинцов Владимир Борисович
(18.08.1938 - 14.08.2008)

Великолепный рассказчик, писатель и издатель, он долгие годы возглавлял писательскую организацию Алтая. Был редактором журнала «Барнаул» и инициатором создания многих литературных премий и конкурсов. Он, кажется, сумел прожить несколько жизней, хотя конечно у Владимира Свинцова она была одна.

Родился 18 августа 1938 года в с. Матышево Руднянского района Сталинградской (ныне Волгоградской) области. Мать – Татьяна Федоровна, учитель математики и физики. Отец – Борис Владимирович, учитель истории и географии, сестра по матери – Тамара, преподаватель немецкого языка.

В 1946 году родители переехали в Краснодарский край на постоянное место жительства. Там, в станице Северной 1956 году окончил десять классов.

25 октября 1956 года окончил курсы шоферов в Краснодаре, и уехал по комсомольской путевке на Урал, строить Орско-Халиловский металлургический комбинат. Но автомобиль молодому водителю не доверили – в ноябре морозы на Урале были уже за сорок. Работал в строительной бригаде: арматурщиком, бетонщиком, плотником...

И только в апреле перевели шофером.

В 1957 году был призван в армию – служил на Черноморском флоте. После демобилизации в 1960 году приехал в Барнаул поступать в Алтайский политехнический институт. Сдал экзамены, но учиться не пришлось, женился, работал шофером автобуса, такси, шофером-милиционером. В 1961 году поступил в Барнаульскую спецшколу МВД СССР, которую окончил в 1963 году с красным дипломом, в звании – лейтенант внутренней службы. Работал в ОБХСС УВД Алтайского края. В 1964 году поступил в Омский юридический институт на заочное отделение, но в 1965 году был направлен на учебу в Москву, в Высшую школу МВД СССР на очное отделение, которое закончил в 1968 году и был оставлен в адъюнктуре.

За время работы в органах МВД СССР награжден тремя медалями.

О литературе пока даже не задумывается. Тем более, что служба очень нравилась. Судьба сделала крутой поворот внезапно. Нелепое обвинение раз и навсегда перечеркнуло годы службы подполковника милиции Владимира Свинцова. Именно тогда волгоградская закалка дала о себе знать, и, он добился пересмотра дела и снятия с себя всех обвинений. И начал жить заново.

Это как раз тот случай, когда несчастье помогло. Помогло родиться писателю. Впрочем, первый рассказ увидел свет в 1969 году, еще в той другой жизни. Рассказ тогда очень понравился читателям, и, Владимир Свинцов решил попробовать еще раз. «Друг мой Сенька» был первым произведением, который навсегда определил тему писателя - мои звери и другие истории о животных.

Одна за другой выходят его книги с рассказами о братьях наших меньших. Удивительно веселые и грустные истории находили отклик не только у детей, но и взрослые читали их с большим интересом. Любовью к братьям нашим меньшим пропитаны все его рассказы. По его словам, он, наверное, в прошлой жизни был собакой.

Пришел в литературу, не зная толком секретов этого искусства, чувствуя, что одного таланта рассказчика не хватит, будучи уже взрослым начал изучать законы построения текста. А когда в 1976 году на Алтае открылась литературная студия, Свинцов стал ее участником. Это был его первый шаг в закрытое писательское сообщество, которое он, спустя два десятилетия, объединит и возглавит. Говорят, чтобы писать, ему не нужна была тишина рабочего кабинета, достаточно чистого листа бумаги и ручка. Не обращая внимания на шум, он садился и писал то, что знал. Зато потом нужны были слушатели и чаще всего эту роль выполняли близкие ему люди.

В 1987 году писатели Алтая избрали ответственным секретарем Алтайской краевой писательской организации. За два с небольшим года работы построил Дом писателя.

Благодаря ему, в 8 районах Алтая регулярно проводятся чтения, посвященные памяти писателей-земляков. Последним большим проектом, который воплотил в жизнь Владимир Свинцов, стал выпуск многотомника Библиотека «Писатели Алтая».

Владимир Свинцов
Мой друг Сенька
Первый снег

Первый снег Первый снег застал нас в дороге. Сенька лежал на заднем сиденье и спал. Сладко спится в непогоду. Снег лепил и лепил, покрывая дорогу толстым слоем. Но только я въехал в город, как снежинки поредели и вскоре совсем прекратились. Небо посветлело, а воздух стал чистым, душистым. Перед моими глазами встали выбеленные, как к празднику, здания, белые тротуары, белые пушистые деревья. Я подъехал к дому. Вылез из машины. Взял горсть снега, он был холодным, влажным. - Сенья, вылазь. Посмотри, какая красота! Эй, ты, засоня! Сенька открыл глаза и тут же закрыл их. Он еще ни разу в своей жизни не видел снега, поэтому встревожился, перескочил на переднее сиденье к открытой дверце и недоуменно стал озиаться вокруг. - Иди ко мне, не бойся. Ну! Но Сенька нерешительно топтался на сиденье и вдруг заскулил: - Е-е-е! Я боюсь. - Чего ты, глупый? - Я вытащил его из машины и поставил на снег. Но Сенька взвизгнул и опять заскочил в машину. 28 - Это же снег, Сенья. На, нюхай, - я протянул ему снежок, но он отпрянул. - Сенька! - сказал я строго. - Ко мне! Он ступил на самый краешек сиденья, виновато завилял хвостом, но не спрыгнул. - Как тебе не стыдно?! Трус! Он смотрел на меня, и в его глазах я читал страх: - Я боюсь. Это такое громадное, такое белое... Я вытащил его одной рукой из машины, другой

захлопнул дверцу. Сенька испуганно поджимал поочередно лапы и жался к моим ногам. Но, наконец, поняв, что это белое его не кусает, стал принюхиваться, потом сделал шаг, второй... Оглянулся на меня повеселевшими глазами и звонко гавкнул: - Гав! Так что же это такое? И вдруг прижал к голове уши, встопорщил шерсть на загривке и зарычал: - Грр! Грр! Кто такой? - Ты на кого, Сенька? - Я оглянулся вокруг, но ничего подозрительного не видел. Между тем Сенька рычал все громче, потом залаял: - Гр-гав! Гр-гав! Хозяин, помогай! - и бросился к забору. Ах, вон оно что! Около забора лежал камень, но теперь, в снегу, он казался головой какого-то странного, сказочного существа в высокой белой шапке. Я смахнул с камня снег. Сенька подошел, обнюхал и, очевидно, узнав свои метки, оглянулся: - Так это мы домой приехали? - спрашивали его удивленные глаза. - Конечно, домой. Вперед, Сенька, вперед! Почувствовав родные запахи, Сенька осмелел. Сунул нос в снег. Фыркнул и припустил бегом вокруг машины. Потом упал, перевернулся. Вскочил. Отряхнулся и опять бегом, со звонким, веселым лаем: 29 - Гав-гав! Хорошо-то как! Чисто! На его лай выскочил из соседней подворотни Шарик. Его черная шерсть на белом снегу казалась прямо-таки угольной. Сенька рыжим пламенем - к нему. И пошла кутерьма... Черный, рыжий, белый... Черный, рыжий, белый... Черный... Рыжий... Белый. - А ты боялся, - улыбнулся я. - Это же первый снег зимы и первый снег в твоей жизни, Сенька.

Литература для дополнительного чтения

Владимир Свинцов Мой друг Сенька Усыновление

Щенок лежал в траве у забора и отчаянно скулил. Был он еще совсем маленьким, слепым и беспомощным и возбуждал такую жалость, что мы с сыном Игорем, не колеблясь ни минуты, понесли его домой. Коричневая короткая шерстка, очевидно, грела еще плохо, и щенок сильно дрожал. Но на руках быстро пригрелся, засопел крошечным носом и затих.

Дома Игорь соорудил щенку ужин — подогрел молока, налил в блюдце. Но он еще не мог самостоятельно есть. Слабые лапки плохо держали, и щенок ползал на брюхе возле блюдца, тыкался незрячей мордашкой в пол и плакал:

— Ой-ой! Ой-о-ой! — Выходило это у него так тонко, так слезно, что даже кошка оставила своих котят на коврике у печки и с любопытством уставилась на плаксу. Потом стала осторожно красться к нему, усиленно нюхая воздух.

— Это еще что за чудо? — говорил весь ее вид. — И чего он так пищит?

И вдруг грозно выгнула спину, встопорщила шерсть, зашипела, но, сообразив, что в щенке и собачьего-то всего один запах, брезгливо фыркнула:

— Фу! Не собака, а так себе... — и принялась лакать из блюдца молоко, которое мы налили щенку. Делала она это не спеша, аккуратно, с достоинством.

Щенок на мгновение замер, прислушиваясь. Потом пополз к кошке, отчаянно взвизгивая:

— Ой-ой-ой-ой!

Кошка, перестав есть, вновь встопорщила шерсть и зашипела сердито:

— Пш-ш! Не подходи!

Щенок продолжал ползти. Кошка подняла лапу для удара, но передумала и поспешила к себе на коврик, всем своим видом показывая:

— А, неохота связываться...

Она улеглась на своем месте, и котята кинулись к ней, подняв радостный писк. Щенок пополз на этот звук. Он перестал скулить и двигался медленно, неслышно. Кошка, не чуя опасности, дремотно закрыла глаза и замурлыкала:

— Мур-мур. Ешьте, детки, молоко...

Котята и так старались изо всех сил.

Щенок подполз ближе. Вот он уже совсем рядом. Замер на мгновение, очевидно, поточнее определяя направление, и ткнулся в кошачий бок. Кошка открыла глаза и вскочила, как подкинутая пружинной. Котята недовольно запищали:

— Где мама? Где мама?

Щенок молчал.

Кошка обнюхала его, грозно подняла лапу. Щенок лежал неподвижно, словно забытая детьми игрушка. Но кошка не спускала с него настороженных глаз:

— Это еще что такое?! Что ему здесь нужно?

Щенок молчал и не шевелился. Зато котята полезли к матери, требуя молока. Кошка неохотно улеглась. Котята радостно затеребили ее. Чуть двинулся и щенок. Кошка хотела было подняться, но котята не дали. Щенок еще подвинулся. Кошка предупреждающе зашипела:

— Пш-шел! Куда? Ну-ка назад! — Но щенок уже нашел свободный сосок и припал к нему. Кошка, повернув голову, брезгливо обнюхала его, фыркнула и, наконец, стала осторожно, чтобы не потревожить котят, слизывать со шкурки щенка ненавистный ей собачий запах.

Так щенок, которого Игорь потом назвал Сенькой, обрел мать, а наша кошка приемного сына.